

Эта встреча с Гуань Хэном так и не состоялась.

Весь день Нин Цюянь не знал, чем себя занять, так как интернета не было, и он просто играл в мобильные игры. Ему очень понравилась мелодия песни, которую он услышал в автобусе, и он хотел воспользоваться двумя днями на Острове Ду, чтобы потренироваться на гитаре, но из-за травмы руки об этом пришлось забыть.

К счастью, еда на острове была превосходной, а врач, обрабатывавший его рану, оказался приятным человеком. Как и Дядя Кан, он был очень любезен. Лишь когда Нин Цюянь закатал рукав для забора крови, он почувствовал легкую неловкость. Он не особо следил за своим внешним видом и не заметил, что на рукавах его старого шерстяного свитера образовались катышки. Свитер был связан вручную, очень теплый, и Нин Цюянь носил его много лет. Только сейчас, в период жизненных неудач, он вдруг осознал, насколько вещь стала поношенной.

— У тебя татуировка, — заметил врач по фамилии Лин. Он был в очках и, казалось, вовсе не замечал катышков на свитере. — Не похож ты на человека, который делает тату.

Они брали кровь для анализа перед завтрашней процедурой, и Нин Цюянь, предупрежденный Дядей Каном, послушно выполнял все указания. На внутренней стороне его тонкого запястья красовалась свежая татуировка, которую он еще никому не показывал, так как зимой всегда носил длинные рукава.

— Это латынь, означает лунный свет на вершине горы, — Нин Цюянь сидел прямо. — В этой фразе есть имя моей матери, я сделал ее в память о ней.

— В память?

— Да, она скончалась в прошлом месяце.

— Ты очень почтительный сын, — голос врача был мягким, как и его движения. — Больно?

Игла вошла в вену. Алая кровь потекла по тонкой трубке в пробирку. Нин Цюянь не понял, о чем спросил врач — о татуировке или о заборе крови, но ответил:

— Нет, не больно.

Врач взял лишь немного крови для исследования на местном оборудовании. Нин Цюянь слышал, что богатые семьи часто держат личных врачей, а случай Гуань Хэна был особым и требовал повышенной осторожности.

— Вы будете брать у меня кровь и завтра? — спросил Нин Цюянь.

— Да, завтра утром тебе нельзя будет завтракать, — ответил врач. — Мы берем немного, обычно около двухсот миллилитров, не больше. Мы будем следить за твоим состоянием и уровнем питательных веществ, если что-то пойдет не так, сразу остановимся. Не бойся.

Все это было прописано в договоре, и Нин Цюянь кивнул.

— Господин Гуань болен? Ему нужно переливание каждый месяц?

Перед приездом он искал информацию и предполагал, что это может быть талассемия или лейкоemia, но врач лишь ответил, что случай господина Гуаня очень сложный и особенный.

Раз они не хотят говорить, Нин Цюянь решил не расспрашивать дальше — это было бы невежливо.

Весь день он проиграл в игры, и к вечеру глаза ужасно устали. Когда он прошел тридцатый уровень, пришел слуга и позвал его к ужину. Нин Цюянь с надеждой спросил, нет ли на острове места с хорошим сигналом, чтобы связаться с друзьями и скачать еще игр, но слуга ответил отрицательно. Надежды рухнули — Нин Цюянь почувствовал себя заключенным в эпоху без интернета. Он не понимал, как здешние люди коротают свои бесконечные дни.

В отличие от дня, ночью здание озарилось яркими огнями. Шторы были раздвинуты, и из любого окна открывался великолепный вид. Фонтаны, сады и кустарники были подсвечены декоративными лампами, подчеркивая роскошь этого места.

В столовой обстановка была еще более ослепительной. Хрустальная люстра отбрасывала блики, на широком деревянном столе стояли изысканные блюда, фрукты и даже шампанское в высоких бокалах. Здание, казавшееся днем молчаливым и мрачным, ожило, превратившись в иной мир. Казалось, день на Острове Ду начинался только сейчас.

Дядя Кан уже ждал его. Увидев Нин Цюяня, он отодвинул стул:

— Прошу, садитесь.

На столе стояли два прибора, начищенные до блеска. Нин Цюянь получил новое представление о жизни другого сословия. В этот момент к столу подошел слуга и тихо доложил Дяде Кану:

— Господин сказал, что сегодня не выйдет к гостю. Вы сами распорядитесь.

Дядя Кан удивился:

— Почему?

— Господин спал в южной комнате, но сказал, что днем было слишком шумно, он не выспался, поэтому вернулся в спальню добирать сон.

Дядя Кан посмотрел на Нин Цюяня и спокойно ответил:

— Хорошо.

Нин Цюянь почувствовал запоздалое напряжение. Господин, о котором они говорили, должно быть, Гуань Хэн. Значит, два прибора на столе предназначались не для него и Дяди Кана, а для хозяина дома. Вслед за этим пришло чувство облегчения — он был искренне рад, что не придется ужинать с хрупким и высокомерным богачом. Им бы все равно не о чем было говорить.

Дядя Кан повернулся к нему:

— Прошу прощения, господин не сможет присоединиться к вам сегодня. Я приветствую вас от его имени.

Нин Цюянь поспешно ответил, что не возражает:

— Ничего страшного, пусть господин Гуань хорошо отдохнет, здоровье важнее.

Он прекрасно понимал: тяжелобольные люди много спят. Дядя Кан слегка кивнул и удалился.

*

Ночью Нин Цюянь спал беспокойно. Ужин был вегетарианским, и хотя все было вкусно, он не наелся. К тому же, сидя в одиночестве в этой роскошной столовой, он чувствовал лишь гнетущую тишину. Все вокруг казалось мертвым, как в начале фильма ужасов.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда громкий звук вырвал его из сна. Он резко сел, сердце бешено колотилось. На часах было полвторого ночи.

Бах! Бах!

Еще два звука. Нин Цюянь понял — это выстрелы!

Он потянулся к выключателю, но света не было — электричество отключили. В комнате царилась тьма, слышался лай собак и чьи-то крики. Нин Цюянь, подсвечивая телефоном, подбежал к окну, но снаружи была лишь тьма, белый снег и тени гор.

Вспомнив слова Дяди Кана, он бросился к двери, чтобы нажать кнопку вызова, но никто не ответил.

— А-а-а!

Раздался душераздирающий крик. Сердце Нин Цюяня готово было выпрыгнуть из груди. В панике он заставил себя успокоиться, схватил свою сумку, гитару и выбежал в коридор.

На пути он не встретил ни души. Ни слуг, ни Дяди Кана. Он хотел найти кого-нибудь, чтобы узнать, что происходит, но предчувствие было пугающим. Что, если здесь творится что-то страшное?

Опираясь лишь на фонарик телефона и смутные воспоминания о планировке дома, он долго плутал в темноте, пока наконец не нашел выход на улицу.

Ледяной воздух ворвался в легкие, обжигая щеки. Снег не прекращался. Пятно густой алой крови на снегу напоминало растаявший десерт. Вдруг кто-то заметил его, направил фонарь и крикнул:

— Он здесь!

Лай собак приближался. Нин Цюянь замер на несколько секунд, увидев в свете фонаря оружие. В голове пронеслись мысли о торговле людьми, органах и семейных разборках. Он бросился бежать.

В лесу ориентироваться было еще труднее. На незнакомом острове он несколько раз падал, гитара и сумка стали обузой, и ему пришлось их бросить.

Вдруг под ногами что-то хрустнуло.

— Не двигайся.

Голос прозвучал совсем близко, прямо за его спиной. Нин Цюянь замер. Дыхание перехватило, горло жгло от холодного воздуха.

— Ты наступил на тонкий лед, сделаешь шаг — провалишься.

Голос принадлежал молодому мужчине, холодный, как ветер, и равнодушный, будто происходящее не стоило внимания. Нин Цюянь не слышал шагов за собой. Как этот призрак оказался здесь? Он не смел пошевелиться.

Под ногами снова хрустнул лед. Нин Цюянь почувствовал, как чья-то рука обхватила его за талию.

— А!

Не успел он опомниться, как его рывком отшвырнули в сторону на снег. Лед с треском провалился, образовав темную полынью. Телефон Нин Цюяня выпал в снег.

Когда он, пошатываясь, поднялся, незнакомец уже отошел на пару шагов. В темноте была видна лишь высокая фигура с длинными волосами. Нин Цюянь не мог понять, мужчина это или женщина. Изумляло то, что в такой мороз на человеке был лишь тонкий халат. Были видны белая, как снег, шея и щиколотки.

— Господин! — крикнули неподалеку, в лесу замелькали лучи фонарей. — Господин?!

— Я здесь, — небрежно ответил мужчина.

Нин Цюянь поднял телефон — экран был в снегу. Не зная, бежать или нет, он увидел, как люди из леса подошли ближе. Сухие ветви деревьев тянулись к нему, как когти, лучи фонарей скользнули по профилю мужчины. Нин Цюянь застыл.

— Господин, как вы здесь оказались?

Среди подошедших был Дядя Кан. Все выглядели целыми и невредимыми. Увидев Нин Цюяня, Дядя Кан удивленно направил на него фонарь:

— Сяо Нин? Как ты здесь оказался?

Нин Цюянь все еще был в шоке и не мог вымолвить ни слова. Свет слепил его, и он прикрыл лицо рукой.

— М-м, — коротко отозвался молодой человек, словно ему было лень говорить.

Люди вокруг шумели, обсуждая погоню. Когда Дядя Кан накинул на дрожащего Нин Цюяня чью-то куртку и начал что-то говорить, тот человек уже ушел вдаль.

Дядя Кан не стал ругать Нин Цюяня за бегство, лишь успокаивающе спросил:

— Перепугался?

— Дедушка Кан, что происходит? — Нин Цюянь вытер пот со лба.

— Вернемся — расскажу, — Дядя Кан похлопал его по плечу.

Нин Цюянь все еще не мог прийти в себя, вспоминая человека на снегу. В свете фонарей он успел заметить его лицо: высокий нос, глубокие глаза, длинные ресницы, отбрасывающие тень на темные зрачки. Неужели такой красивый человек существует на самом деле?

Это было мимолетное видение, которое потрясло Нин Цюяня. Он догадывался: тот человек и был легендарный Гуань Хэн.

<http://bllate.org/book/18663/1799585>